

Исполнительство и педагогика

ЕВГЕНИЙ МРАВИНСКИЙ

В. БОГДАНОВ-БЕРЕЗОВСКИЙ

Мравинский — один из наиболее широко признанных наших симфонических дирижеров. Почитатели Бетховена и Чайковского, Моцарта и Глинки, Вагнера и Грига, Скрябина и Шостаковича идут на его концерты не только для того, чтобы еще раз услышать музыку любимого композитора, но и чтобы услышать ее именно в истолковании Мравинского. Такой глубокой симпатии широких масс слушателей удостоиваются немногие из симфонических дирижеров.

Мравинский — строгий и умный художник. Он — дирижер-мыслитель и в каждом своем выступлении, даже повторяя ранее исполнявшиеся им партитуры, ставит перед собой новые, всегда значительные идейно-эстетические задачи.

Его исполнительской психологии ближе всего крупные программные произведения — такие, как «Фантастическая симфония» Берлиоза, «Богатырская» Бородина, «Патетическая» Чайковского.

Индивидуальность Мравинского наглядно проявляется в интерпретации Пятой и Шестой симфоний Чайковского, его же фантазии «Франческа да Римини», Пятой и Седьмой симфоний Шостаковича.

Многочисленные исполнения Мравинским Пятой симфонии Чайковского показывают, как пылливо и неуклонно совершенствует дирижер свой исполнительский замысел. Он подчеркивает внутреннее драматургическое единство частей, рельефно выделяя образ вступления, как ведущую тему, по-разному окрашенную в контексте каждой части.

Трагический конфликт, лежащий в основе симфонии, получает в исполнении Мравинского яркое, волевое воплощение и в драматическом Allegro, и в проникновенно лирической, философски углубленной трактовке напряженной по интенсивности звучания второй части. В исполнении Мравинским финала симфонии впечатляют строгая постепенность, динамичность нарастания, естественное утверждение просветленного образа. Благодаря этому весь эмоциональный строй произведения предстает перед нами по-новому: Мравинский раскрывает в нем прежде всего мужественно-волевое, а не лирико-элегическое начало.

Взволнованность, страстность отличают исполнение Мравинским программных, «повествовательных» произведений. Одна из излюбленных им программных пьес Чайковского — фантазия «Франческа да Римини» — исполняется им с удивительной эмоциональной непосредственностью (что еще раз подтвердилось на открытии текущего симфонического сезона в Ленинграде). В многообразии тембровых красок, в четкости ритмики, в захватывающей динамике звучания Мравинскому удается достигнуть предельной выразительности деталей и в то же время строгого равновесия между отдельными эпизодами партитуры. Подчеркивая целостность симфонической формы, дирижер умело выявляет глубокий драматизм и возвышенный гуманизм содержания «дантовой поэмы» Чайковского.

Очень близок Мравинскому мир музы-

кальных идей Шостаковича. Начиная с Пятой симфонии (1937 год), каждое новое симфоническое произведение Шостаковича исполнялось оркестром Ленинградской филармонии под управлением Мравинского, ставшего убежденным и последовательным пропагандистом творчества выдающегося советского симфониста. В лучших произведениях Шостаковича Мравинский акцентирует черты глубокой человечности, раскрывает их этическое содержание.

Когда остается позади первый круг разработки первой части Седьмой симфонии, данный на гигантском нагнетании нарастающей звучности, мы осознаем, что это не просто яркая по осязаемой, конкретной видимости батальная картина. Мы воспринимаем в этом живое творческое олицетворение бурлящих страстей большой жизненной драмы.

Свою способность «мыслить в звуках» Мравинский переносит и на произведения относительно малых форм или камерного звучания. Так, в «Вальсе-фантазии» Глинки, исполняемой с тончайшими оттенками и задушевностью фразировки, он раскрывает присущую этой пьесе «камерность», столь часто заслоняемую у других дирижеров внешней стилизацией.

Превосходно воспроизводит Мравинский на концертной эстраде симфонические фрагменты сценической музыки — оперные увертюры, антракты, танцы. Здесь проявляется у него умение в «частном» передать идею целого, выявить типические черты авторского стиля. К выдающимся достижениям Мравинского нужно отнести трактовку «Рассвета на Москва-реке» из «Хованщины» Мусоргского, увертюры к «Ивану Сусанину» Глинки, антракта к третьему действию «Лоэнгрина», «Полета валькирий», «Шелеста леса», траурного марша из «Гибели богов» Вагнера.

Выступая с солистами — инструменталистами и певцами, Мравинский бережно относится к их артистической индивидуальности. У него выработался тонко согласованный дуэт-соревнование в выступлениях с Обориным, Рихтером, Ойстрахом, Шафраном и другими выдающимися музыкантами. Особенный интерес представляет исполнение фортепианных концертов Листа (ми бемоль мажор) и Брамса (си бемоль мажор) с таким индивидуально ярким партнером, как Рихтер.

Интеллектуальное начало является преобладающей чертой исполнительского стиля Мравинского. Это иногда дает повод для разговоров о якобы присущей ему «рассудочности». Но это неверно.

Разумеется, как тип музыканта-исполнителя Мравинский является прямым антиподом дирижера «стихийно-интуитивного» склада. Он не терпит случайностей, не допускает исполнительского произвола, всегда стремясь к глубокому и точному воплощению авторского замысла. В его методе большую роль играет длительное «вынашивание», изучение партитуры, постижение идеи произведения, вникание в особенности его образной природы. И потому исполнение Мравинского всегда логически убедительно.

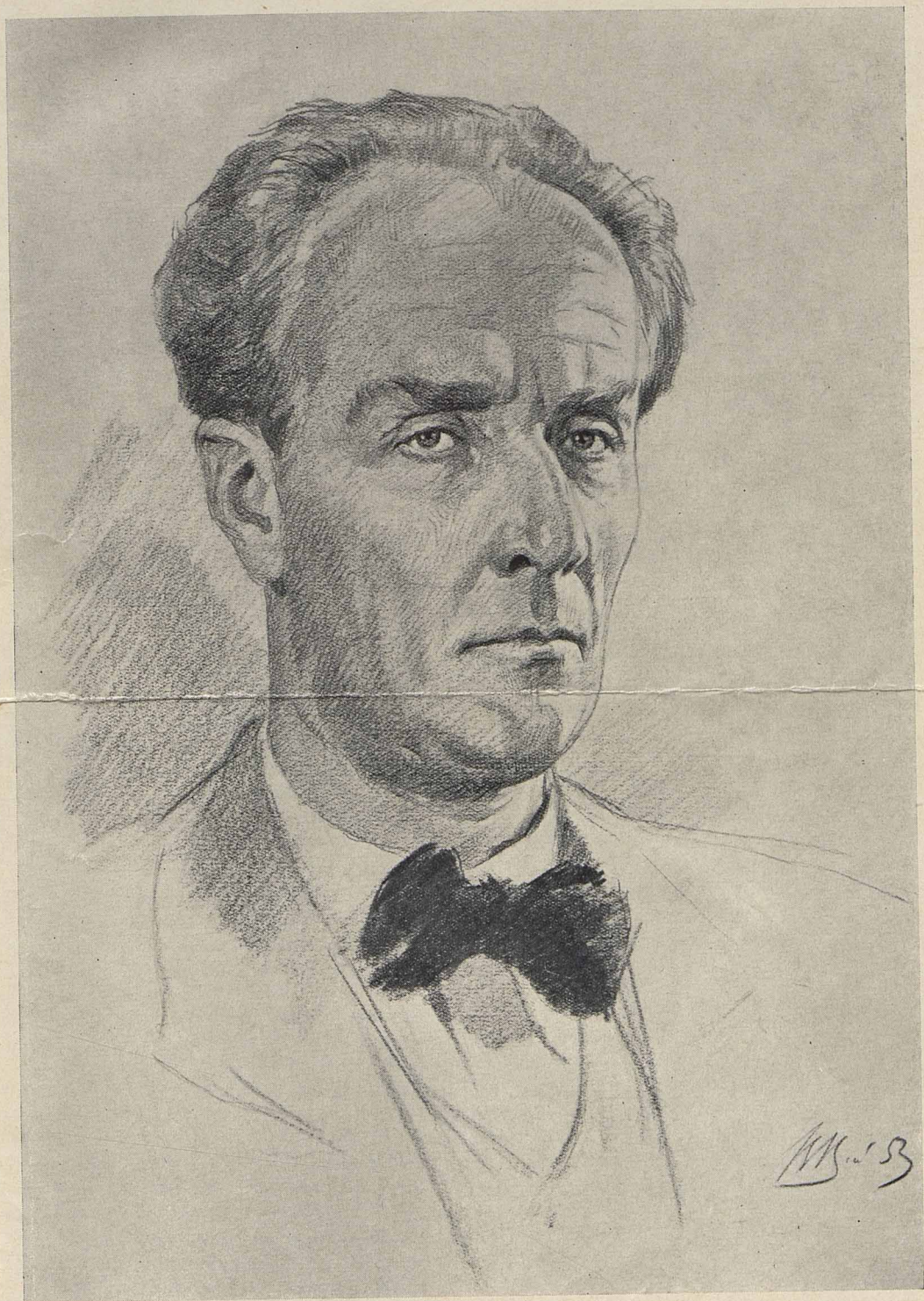
На первую же репетицию Мравинский приходит с созревшим, всесторонне разработанным замыслом. И здесь на первое место выступает организатор коллективного исполнения. Он может порой подолгу работать с отдельной группой инструментов, добываясь верного «произнесения» музыкальной фразы — в штриховке, акцентировке, метрике, оттенке. Особое внимание в репетиционной работе он уделяет мелодической выразительности — характеру выпевания мелодии как звукового воплощения мысли и чувства.

Концертные выступления Мравинского покоряют не только интеллектуальностью, углубленностью, но и силой эмоциональности, широтой темповых и динамических градаций. Достаточно напомнить, например, исполнение им «Болеро» Равеля, «Поэмы экстаза» Скрябина или Седьмой симфонии Шостаковича. На основе общего всесторонне продуманного «режиссерского» плана он позволяет себе иногда смелые импровизационные отклонения, иной раз заметно отличающие исполнение одной и той же пьесы в различных концертах. Это и есть настоящая творческая свобода интерпретации.

* * *

Мравинский рос и складывался как художник под воздействием русской и зарубежной музыкальной классики, в активном сотрудничестве с советскими композиторами.

В юные годы будущему дирижеру пришлось пройти сложную жизненную школу. Он работал статистом в Ленинградском



Е. А. МРАВИНСКИЙ

Рис. художника В. Высоцкого

Академическом театре оперы и балета, затем пианистом в хореографическом училище, где аккомпанировал на уроках классического танца педагога Е. Снетковой-Вечесловой. Уже тогда жадный к художественным впечатлениям молодой музыкант успешно работал над саморазвитием. Он изучал оперный и балетный репертуар, вникая в специфику исполнительского искусства, анализировал метод работы выдающихся дирижеров, игру, пение, хореографическое мастерство крупнейших артистов.

В 1924 году Мравинский был принят в класс композиции Ленинградской консерватории, где учился у профессоров М. Чернова, Х. Кушнарева и В. Щербачева. Некоторые камерные пьесы, сочиненные им в годы учения, исполнялись на студенческих концертах. В 1927 году Мравинский перешел на дирижерский факультет, где обучался сперва у Н. Малько, а затем у А. Гаука. Еще будучи студентом, ради приобретения практического опыта он дирижировал одним из самодеятельных симфонических оркестров Ленинграда.

Окончив в 1931 году консерваторию, молодой дирижер провел ряд спектаклей в оперной студии консерватории. Он дирижировал операми «Фауст» и «Риголетто», а весной того же года провел выпускной спектакль хореографического училища («Времена года» Глазунова и концертный дивертисмент).

Осенью 1931 года Мравинский был зачислен дирижером-ассистентом в Ленинградский театр оперы и балета. Здесь он сразу обратил на себя внимание как тонкий и умный интерпретатор партитур «Спящей красавицы», «Лебединого озера», «Корсара» и «Жизели». На первом его спектакле («Спящая красавица» с участием Галины Улановой 20 октября 1932 года) оркестр после второго действия устроил ему овацию. Вскоре Мравинский принял активное участие в создании спектакля «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева.

В начале тридцатых годов Мравинский уже много выступал на радио (Первая симфония Чайковского, Четвертая Бетховена, произведения Листа и Штрауса), появлялся за пультом Ленинградской филармонии (вариации Брамса на тему Гайдна, Вторая сюита Баха, «Проклятый охотник» Франка, сюита «Рим» Бизе, «Закливание

огня» и прощание Вотана из «Валькирий» Вагнера, «Эгмонт» Бетховена). В те годы он много исполнял русскую симфоническую музыку — произведения Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Глазунова, пропагандировал творчество советских композиторов — Шостаковича, Асафьева, Животова, Свиридова, Томилина и других.

Осенью 1938 года на Всесоюзном конкурсе дирижеров в Москве Мравинский завоевал первую премию и в том же году был назначен главным дирижером симфонического оркестра Ленинградской филармонии, которым успешно руководит поныне.

В тридцатые годы — не без воздействия Фрица Штидри, занимавшего тогда пост главного дирижера Ленинградской филармонии, и ее художественного руководителя И. Соллертинского — Мравинский прошел полосу увлечения Брукнером, Малером, Рихардом Штраусом. Но и в те годы он широко интересовался творчеством классиков — Баха, Гайдна, Моцарта, корифеев русской симфонической школы — Чайковского и Глазунова. Важную роль в развитии дирижера сыграла также живая связь с советской музыкой.

С годами Мравинский становился все более строгим, взыскательным художником. Некоторые ранее исполнявшиеся им произведения совсем выпали из его репертуара, другие получили новое, более углубленное истолкование. Та же Четвертая («Романтическая») симфония Брукнера стала звучать у Мравинского задушевнее, проникновеннее, с большей простотой. Героичнее, возвышеннее и строже зазвучали произведения Вагнера.

В последние годы Мравинский ведет особенно активную, действенную пропаганду русской симфонической классики. В его постоянном репертуаре — многие выдающиеся произведения Глинки, Чайковского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Лядова, Глазунова, Рахманинова и других. Каждое подлинно творческое воспроизведение классических пьес дает возможность слушателям глубже проникнуться замыслом композитора, полнее оценить содержание музыки, ее красоту. Исполнение Мравинским многих русских классических произведений можно назвать образцовым.

На посту главного дирижера Ленинградской филармонии Мравинский проявил

себя как вдумчивый воспитатель оркестрового коллектива. Превосходный оркестр Ленинградской филармонии за последние годы стал еще более дисциплинированным, творчески целеустремленным, мыслящим коллективом, чутко откликающимся на растущие культурные запросы слушателей. И это в значительной мере результат углубленной работы руководителя оркестра.

В каждом сезоне Мравинский включает в свои программы новые произведения советских композиторов. Видное место в его

репертуаре — наряду с партитурами Шостаковича — занимают лучшие симфонические произведения Мясковского, Прокофьева, Хачатуряна.

Художник не может творчески жить, не совершенствуясь, не развиваясь. Для Мравинского дальнейший путь творческого развития — это прежде всего путь еще более тесного сотрудничества с советскими композиторами. Высокоталантливый и культурный дирижер, вдохновенный художник, он может действительно способствовать созданию советской симфонической классики.

